

ВИНЄНКО ЖЄНЯ

ЛЮДЬМАК. УТШЫРЕВО ДЕЛО

Людмак

Женя Виненко

Людмак. Упырево дело

«Автор»

2026

Виненко Ж.

Людьмак. Упырево дело / Ж. Виненко — «Автор»,
2026 — (Людьмак)

Яр ненавидит весну. Из-за проклятой аллергии волколаку приходится временно отказаться от любимой работы. Но долго прозябать в праздном безделье людьмаку не удастся. Внезапно свалившийся на его голову упырь, заставляет взяться за новое дело. Потому что иначе его доброе имя будет запятнано...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Женя Виненко

Людьямак. Упырево дело

Весна – самое отвратительное и раздражающее время года. В Городе Сорняков ее уважают разве что пришлые лесные духи. Вот они, как дураки или люди, радуются и пляшут от счастья, когда природа начинает цвести и пахнуть. И чего тогда в провинции не сидели? Жили бы себе в дремучих лесах.

У прочих горожан сентиментальная чушь «о возрождении и обновлении» особого энтузиазма не вызывала, лишь недовольство и сарказм. Как только распускались первые почки, настроение в городе нелюдей менялось на унылое и ворчливое: слишком много яркого и красочного вокруг.

Яр не помнил, любил ли он весну, будучи человеком. В сознательном возрасте волколак ее откровенно ненавидел. Не потому, что теперь принадлежал стороне тьмы, а потому что из года в год его мучила чудовищная аллергия.

Чистомил, его приемный отец, утверждал, что недуг сей сын приобрел еще в глубоком детстве. Да и в целом, пока не обернулся волком, здоровьем обладал слабым и никудышным. А уж когда обучился на людьямака, и вовсе выработал иммунитет к подавляющему числу болезней и ядов. Так что добросердечный домовый часто поучал: нужно быть благодарным, что из человеческой ипостаси забрал меньшее из зол.

Естественно, Яр испытывал невероятное «счастье», наматывая на кулак сопли и расчесывая зенки так, что смотреть сквозь щелочки становилось проблематично. Он обладал огромным багажом преимуществ: быстро восстанавливал раны, слышал и видел то, что другим не под силу. В конце концов, мог использовать чары людьямака и варить чудодейственные зелья, хоть и прибегал к данным привилегиям редко. А вот как победить проклятую аллергию, – понятия не имел. Знал бы кому выказывать «признательность», давно бы воспользовался советом батюшки.

Спасибо ремеслу. Оно и кормило, и от бед уводило, и подсказало, как облегчить слезливую напасть. Шею волколака обвивал бордовый шелковый платок. Он был пропитан уникальным раствором собственного изобретения и содержал в себе настои зверобоя, мяты и окопника. Волк натягивал тончайший отрез ткани по самые глаза, едва ступал за порог.

Помимо физического дискомфорта, неприятная хворь через раз лишала его нюха, а следовательно, и дохода. Так что последние две недели Яр провел в праздном безделье. Он спал до самого заката, а затем торчал в «Лисьей норе» до первых солнечных лучей, проедавая и пропивая честно заработанные зимой деньги.

Очередным ранним утром людьямак страдал от скуки. До рассвета оставалось не более часа. Посетители опустошали тару и потихоньку покидали корчму. Волколак чувствовал, что ему тоже пора откланяться, но нарядная расписная ендова¹ в виде гуся таила в себе еще как минимум три захода ола. Не мог людьямак позволить добру скиснуть. Он наполнил чарку, давно сбившись какую по счету, разломал вареного рака, но так и не успел насладиться ни «живительным нектаром», ни высосать из панциря нежный сок с ярким привкусом тины.

Высмотрев, что гость дорогой принялся за остатки пенного напитка, к нему поспешил Душан, хозяин «Лисьей норы», домовый и по совместительству хороший знакомый Чистомила. Волк с досадой вздохнул и отложил вкусное угощение обратно на тарелку. Чувал, что без отца не обошлось.

---

¹ Ендова – низкая, широкая, медная или деревянная древнерусская посуда с отливом в виде желобка. Использовалась как столовый сосуд для подачи алкогольных напитков на праздничный стол и розлива по чаркам.

– Ярушка, драгоценный вы наш, – запричитал жалобным голосом пузатый старичок, лохматой рукой покушаясь на ендову. Он вроде и боялся отбирать у волколака любимый ол, но уже дал сородичу обещание приглядеть за нерадивым дитяткой. – Вам бы отдохнуть хорошенько, нынче ночью полнолуние. А это обращение иного рода, нежели, когда вы сами. Батюшка сильно беспокоится. А я вас в следующий раз бесплатно угощу.

Будто людьяк без подсказок не знал, что как только луна окончательно обретет форму, облик его вынужденно изменится. И почему все считают, что это наказание тяжкое? Напротив, помчится он по лугам, лесам и полям, ощущая свободу и легкое прикосновение ветра. Хоть на несколько часов избавится от противной аллергии.

Но Душан был прав. Бдительность терять нельзя. Пусть нечисть и заключила временное перемирие с Выселками, ближайшей крупной деревней, людям все равно доверять нельзя.

Яр трижды вздохнул, с грустью наблюдая, как домовой уносит полную чарочку и ендову, не преминул покончить с так манящим его раком и только после этого встал из-за стола.

Расплатившись, шаткой походкой волк подошел к двери, распахнул ее и, больно приземлившись на пятую точку, сам не понял, как очутился на полу. Так быстро перемещаться мог лишь упырь. Волколак рассердился до такой степени, что, едва вскочив на ноги, схватился за секиру, – отрубить наглецу глупую башку.

Да где тут угнаться за кровососом. Он носился по корчме, как сумасшедший, крича во все горло:

– Помогите! Спасите! Убить хотят! Ведьмак! Меня преследует огромный кровожадный ведьмак!

Исключительно эти слова заставили людьяка заинтересованно остановиться.

***

Упыря того звали Красимир, и был он широко известен всему городу по двум причинам.

Первая. Свои же сородичи плевали в его сторону, потому что баламошка² бестолковый вместо того, чтобы ночами кровь из человеческих сердец сосать, чаще всего превращался в животинку ничтожную и гонялся за мышами. В крайнем случае дуралей мог податься в деревню, да в хлеве какой мелкий скот выпить.

В остальное время Красимир обожал торчать в корчмах. Пропустит стаканчик-пять крепкого медового самогона и давай жаловаться на своих зловещих соплеменников. Мол, безжалостно людей крошат, а его в насмешку оскорбительно фалалей³ в рожу кличут.

Вторая причина заключалась в чрезмерной любвеобильности. Где бы кровосос ни находился, непременно строил глазки противоположному полу. И главное падок был на всех девок подряд: и казистых, и не казистых, и замужних, и свободных, и любого нечестивого рода. Хоть кикимора перед ним стоять будет, все равно начнет рассыпаться в комплиментах. Да и возраст значения не имел. Коли баба сама на амур напрашивалась, да на шею вешалась, никого не гнушался, вниманием не обделял. Утверждал, что каждая женщина любви заслуживает.

Правда харизма его мощная не действовала на упырих. Вот и считал Красимир, что братья и сестры дюже ему завидуют. Якобы внешностью, в отличие от них, он отличался приятной.

Здесь не поспоришь. На лицо поганец и в самом деле выдался удивительно ладным. Еще и одевался со вкусом, носил много разных побрякушек: серьги, браслеты, амулеты, кольца золотые. Ко всему прочему манерами обладал безупречными, в общении с дамами так галантно себя вел, что те моментально в лужу перед ним растекались. Кто знает, может при жизни ученым богачом был.

Видели девицы в кровососе некоего трагично-романтического персонажа со сложной судьбой. Однако если верить слухам, ходившим среди ему подобных, сложного там только то, что,

---

² Баламошка – старинное русское ругательство, дурачок, полоумный, зряшный.

³ Фалалей – старинный русский термин, обозначающий простоватого, глупого человека.

когда бедолагу хоронили, у черта настроение пошалить разыгралось. Перепрыгнул он в облике черного кота через мертвяка в момент погребения. Так тот нежитью и обернулся.

Людьяк понятия не имел, истину ли то сказывали или просто языком болтали. Сам Красимир никогда данный факт не подтверждал, но и не отрицал. Да и истории возлюбленным из раза в раз новые выдавал, но обязательно мрачные и душещипательные.

Одним словом, безобидным упырь слыл. От того и любопытно стало, чего натворить смел, раз ведьмак преследовать его надумал.

***

Успокоить обезумевшего Красимира помог исключительно медовый самогон. Опрокинув три полные чарки, он наконец заметил среди посетителей «Лисьей норы» людьямака.

О репутации Яра не знал разве что ленивый. Глаза упыря засветились надеждой. Он вскочил с лавки, растолкал напуганных зевак, что окружили его стол, жаждающая подробностей, и бросился волколаку в ноги. Бедолага вцепился в края его рубахи, расшитой нарядным черно-красным орнаментом, и зарыдал, попутно успевая вытирать чужим подолом реки своих слез.

На рисунке из дубовых листьев и желудей быстро появились грязные сопливые пятна. Естественно, волк наглости такой не стерпел, рассердился и грубо оттолкнул кровососа. Несчастный только пуще заорал и умудрился повиснуть на кожаных сапогах Яра:

– Умоляю, людьямак, родненький, спаси-помоги! Ничего плохого я не делал. Ума не приложу, чем не угодил колдуну белому. Я его даже не знаю. Никого не кусал, не пугал, не калечил...

Пока мест Красимир причитал на радость любопытным зрителям, волк отметил про себя, что тот и впрямь сильно боится. С его родом подобное поведение вязалось вяло. Редко встретишь страшащихся чего-то упырей. Волколак считал, что у них после смерти и эмоций-то настоящих не осталось. А тут вон как дрожит, да к нему плотнее прижаться пытается.

С другой стороны, язык не поворачивался назвать Красимира упырем полноценным. Вряд ли курашуп⁴ отъявленный натворил что-то серьезное. Максимум рогоносец какой осерчал и послал наемника, но точно не ведьмака, прищучить любовника жены.

– Надо бы набить себе цену, – рассудил Яр. Работы достойной давно не подворачивалось, а карманы стремительно худели. – Ты же понимаешь, кровосос, что с ведьмаками связываться себе дороже, – многозначительно заявил он, неторопливо откусывая краюшку черного хлеба с салом, заботливо подsunутую Душаном. – А если уж тот осмелился в Город Сорняков сунуться, значит не просто сильный, а еще и безумец отъявленный.

– Я хорошо заплачу! Только сбереги мою шкуру, людьямачок, дорогой. Я еще столько не сделал.

– Ага, девок не всех облапал, – усмехнулся про себя волколак, а вслух с задумчивым видом протянул: – Придется серьезно договариваться...

– Вдвойне озолочу!

– Втройне и прямо сейчас, – согласился волк, прекрасно зная, что на своих прекрасниц упырь за раз и больше тратил, а следовательно, всегда имел при себе достаточно тинов.

Красимир с охотой снял мошну⁵ с пояса и вручил людьямаку плату. Вот теперь можно и делом заняться.

А почему нет? Во-первых, Яр жутко скучал. Уже готов был как самый настоящий волк на луну выть. А, во-вторых, коли клиент платил вперед, да еще и солидную сумму, отчего бы лясы не поточить? Если на улице его и ждет ведьмак, какой бы мощной силой тот не обладал, всех разом в городе нечисти одолеть не сдюжит.

---

⁴ Курашуп – старинное русское ругательство, мужчина, который любит соблазнять женщин, бабник, волокита.

⁵ Мошна – небольшой вязаный, меховой или матерчатый мешочек с замочком, завязками или на вздержке для хранения денег.

***

Для солидности Яр достал секиру, затем приосанился, и смело толкнул дверь локтем.

Ни людей, ни богатырей, ни заклинателей, людьяк не боялся. Перед ведьмаками тоже страха не испытывал, но все же к их брату относился насторожено. В отличие от прочих недругов, эти хитрецы в первую очередь стремились очистить мир от нечисти, а уже во вторую – отработать деньги грубой силой. От них жди настоящей беды.

На площади стояла гробовая тишина. Слышно было, как вороны крыльями машут, перелетая с ветки на ветку. Оно и понятно, утро наступало на пятки ночи, и нежить разбрелась по своим делам. Большинство, предпочитая темное время суток, – спать, а те, кто солнца не остерегались, спешили вернуться по «рабочим местам»: в поля, леса и озера, – путников заплутавших пугать.

Яр внимательно осмотрелся, куда хватало волчьего зрения. Ничего подозрительного. Поморщившись, он вдохнул аромат платка с пропиткой, и принялся. Толку ноль. Только трижды чихнул.

Хоть с аллергией, хоть без нее, а в Городе Сорняков учуять человека почти невозможно. Запахи разных существ слишком сильно переплетаются. А бывают такие гадкие вонючки, как, например, хмельной шиш, от которого за версту перегаром недельным несет, что стой незванный гость в шаге от тебя, в жизни не распознаешь.

Вот и сейчас замученный нос улавливал лишь смрад самого упыря. А они для волколаков пахнут одновременно отвратительно и мучительно: приторно-сладко, потому что кровь часто сосут, и в то же время падалю, поскольку сами давно померли и от того внутри медленно разлагаются.

Людьяк недовольно скривился и чуть не срыгнул. Выругался неприличными словами в адрес Красимира. На всякий случай повторно подключил зрение. Ни то, что ведуна, ни единого живого следа.

То ли преследователь деру дал, едва поняв, куда забрел, то ли существовал исключительно в воображении напуганного до чертиков кровососа.

***

Рассерженный Яр вернулся в «Лисью нору» и молча уселся напротив упыря. Сам бы баламута прибил, да деньги при свидетелях вперед уплачены. Пришлось быть снисходительным. Одни брови густые, да черные, выдавали свирепый настрой, – сползли к носу.

В корчме стояла непривычная тишина. Посетители с нетерпением ждали, что же скажет людьяк. Уже и забыли, что по домам собирались. И только нервно дергающийся хвост Красимира, отбивая монотонный звук о ножку лавки, портил напряженную атмосферу.

У дрожащего от страха бедолаги клык на клык не попадал, а выпученные глаза смотрели так пристально, что казались стеклянными. Волколак мысленно представил, как с легкостью они трескаются под его сапогом, а из сердцевины вытекает красная жижа, что у кровососов заменяла радужку. Эта приятная картина помогла Яру отместить вариант, где он у всех на виду душит своего нанимателя.

– Во дворе никого нет, – холодно произнес волк.

Три секунды молчания и упыря прорвало:

– Что ты, людьячок, родненький. Разве ж хватит мне смелости тебя обманывать? За мной точно гнались. И не просто человек, а огромный молодец, богатырь. Поверх рубахи обычной на нем плащ длинный, на голове – капюшон широкий. Видать, чтоб тяжелый взгляд в нем ведьмака не выдавал.

Дружный хохот сотряс стены «Лисей норы». Даже волколак усмехнулся. Правда улыбка спряталась в небольшие «ленивые» усики, что он отрастил за время безделья.

– Коломес⁶, – вытирая слезы рукавом, обозвал дурня завсегдаятай корчмы – ветряник⁷. Все радостно выдохнули, когда он успокоился. Утомились цепляться за лавки да столы, чтобы не улететь. – Да разве ж мало кто из людей и нежити в похожей одежке по пыльным дорогам бродит?

– Нет-нет! – горячо возразил Красимир, приглаживая рукой разметавшиеся волосы. – Лишь ведьмаки тело свое узорами защитными расписывают и под накидку длинную прячут. Простому человеку подобные чары – излишек! Они каждый день с нами не встречаются. Им оберегов, да наузов⁸ достаточно.

– Раз так уверен, – вступился Яр, – выкладывай все по порядку. С чего колдуну белому погоню за тобой устраивать, если ты ничего дурного не совершал?

Упырь, заметив среди гостей двух барышней, с которыми шуры-муры крутил, замылся. Но своя шкура дороже. А потому, старательно игнорируя их любопытные взгляды, принялся за свою незатейливую историю.

– Любой свободный от уз брака мужчина, меня поймет, – все же начал он с оправдательной речи. – Устал я от наших залихватских красоток. Уж дюже нрав у них дурной: чуть что, сразу в рыло. А я любви хочу, настоящей, нежной, возвышенной. Чтoб мной восхищались искренне!

Кровосос театрально вздохнул и настороженно покосился на дам. Что горбатая кикимора, с высохшим венком на макушке, что ее подружка болотница, с голубой незабудкой в нечесаных лохмах и гусиными лапами вместо стоп, – обе сердито сжали кулаки.

– Да-да, – поторопил волк, потому как на дворе все ярче расходилось утро и до первых солнечных лучей оставалось чуть более получаса. – И решил чувство светлое искать у человеческих прекрасниц, ясно.

На деле все отлично знали, что возлюбленные Красимиру быстро надоедали. А те, едва сообразив, что ими нагло воспользовались и серьезных намерений не имели, бросались негодяя преследовать. Пару раз чуть глотку мерзавцу не перегрызли.

– А куда ходить-то повадился? – уточнил людьмак.

– Так в деревню соседнюю, в Выселки, – испуганно пряча глаза, признался упырь.

– Ты совсем королюбый⁹ что ли? Мы для чего с ними перемирие заключали? Чтобы ты их баб по подворотням таскал?! Союз наш, может, и хрупкий, но пока обе стороны слово держали. А теперь что? Из-за тебя смертные скажут, что мы первыми уговор нарушили!

– Я вреда никому не чинил! – вдруг взбесился кровосос и обиженно надул губы. – С девками немного порезвлюсь, как все улягутся, во дворе том же барашка отведу, да домой, отсыпаться. Девицам людским я, ой как сильно приглянулся, в очередь выстраиваются. Никто из них ни разу не пикнул за скотину порченную. Вот и жил, не тужил последние пару недель. До сегодняшнего вечера.

– Ой, недалекий. Не зря тебя свои фалалей кличут, – весь сон у Яра как рукой сняло. Пришлось требовать у хозяина корчмы обратно свой ол.

– Поначалу ничего не предвещало беды, – продолжал тем временем Красимир. – С местной прелестницей покуражился, пока луна на вторую половину неба не перевалила, подождал немного, когда последние огни в избах погаснут, и хотел было отправиться в хлев. Но тут ярко кровью человеческой повеяло. А ты не хуже меня знаешь, что бороться с ароматом пьянящим – дело бесполезное.

---

⁶ Коломес – старинный русский термин, обозначающий человека, говорящего глупость, вздор.

⁷ Ветряник – персонаж славянской мифологии, недоброе существо, живущее на обочинах. На проезжих дорогах и перекрестках поднимает вихрь и насыляет пронизывающие ветра на путников.

⁸ Науз – кожаный ремешок или шерстяная нить, завязанные определенным образом в узлы. Магический предмет у древних славян, служил талисманом от сглаза и порчи.

⁹ Королюбый – старинное русское ругательство, крепкоголовый, тупой, глупый.

Я сопротивлялся, как мог. Природа моя истинная верх взяла. Остатки здравого смысла отключились, и повел инстинкт против воли туда, откуда запах доносился.

Я толком и не помню, как очутился на незнакомом дворе. Дом большой, свет не горит. А кровь так сладко манит, разуму думать не дает, насильно внутрь зовет.

Прокрался я в сени. Однако не успел нос в горницу сунуть, кто-то резко налетел со всей дури и сбил меня с ног. От неожиданности я ничком рухнул. Пока силился понять, что происходит, хвост мой будто металлическими клещами стиснули.

Заорал я от боли, а когда первые искры из глаз прошли, увидел перед лицом ручищи огромные, натруженные, и смекнул, наконец, что мужик могучий на меня сверху забрался и голову открутить пытается. Зазвенели над ухом его амулеты, да рубаха до локтей задралась. Тогда и обнажились, вместе с раной кровоточащей, рисунки многочисленные. Догадался я, что не просто богатырь, а ведьмак меня в избу заманил и жизни лишить хочет.

Мерзавец так и орал, вперемешку с проклятьями: раздавлю тебе, погань, шею молотом, а затем окончательно оторву от тела то, что останется, руками голыми.

– И вместо того, чтобы силу свою недюжинную использовать, ответить обидчику или вовсе сожрать, ты, значит, сбежал? – гоготнул длиннородый ветряник, заставляя всех посетителей опасливо схватиться покрепче за то, на что ладонь лечь успела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.